

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИДЕЙ СЛАВЯНОФИЛОВ В ПЕРЕПИСКЕ И. С. АКСАКОВА И Н. Н. СТРАХОВА

Переписка И. С. Аксакова и Н. Н. Страхова состоит из 38 писем И. С. Аксакова и 19 писем Н. Н. Страхова; всего 57. Полностью они никогда не публиковались. Первое письмо, отправленное Н. Н. Страховым И. С. Аксакову, датировано 7 июня 1863 года. Последнее было написано И. С. Аксаковым 15 декабря 1885 года, за несколько недель до смерти.

В переписке — отзвуки сильнейшего накала патриотической борьбы 1860—1880-х годов, борьбы духовной, за Россию, единение славянского мира, обсуждение насущных вопросов и отклики на главные события эпохи. Корреспонденты, сохраняя верность памяти славянофилов, — постоянные оппоненты революционно-демократических идей. Их литературный талант, энциклопедические познания, дар убеждения, искренность придают переписке ценность не только исторического документа, но факта национальной культуры.

И. С. Аксаков, видный славянофил, публицист и общественный деятель, после смерти старших, «ранних» славянофилов стал ревностным хранителем и продолжателем их традиций. Он любил повторять, что высказываться вполне умеет только на бумаге, и кто не знает его по письмам, тот очень мало его знает. Переписка с Н. Н. Страховым в значительной степени дополняет его портрет.

Философ, публицист и литературный критик Н. Н. Страхов занимал устойчиво консервативную позицию. В искусстве наиболее важным считал внимание к духовно-нравственным коллизиям общества и человеческой личности. Вокруг фигуры Страхова всегда бытовали противоречивые суждения и оценки, даже недоразумения, начиная с того, что его статья «Роковой вопрос» дала повод к закрытию журнала братьев Достоевских «Время». Причина — в печати «недоговоренности», по выражению В. В. Розанова, в незавершенности построений. Эпистолярное наследие Н. Н. Страхова, и в частности его письма к И. С. Аксакову, существенно дополняют его публицистические и литературно-критические работы.

Поводом к началу переписки послужила статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», напечатанная в журнале «Время»¹ под псевдонимом *Русский*, а также отклик на нее И. С. Аксакова в газете «День»². Статья, как известно, касалась серьезного для России вопроса о взаимных отношениях польской и русской цивилизации: она, по словам И. С. Аксакова, выносила «наружу те сомнения, которые втайне разъедают некоторую часть нашего русского общества»³.

¹ Время. 1863. № 4. Отд. II. С. 152—163.

² День. 1863. № 22. 1 июня.

³ Там же.

Однако позиция Страхова по польскому вопросу была завуалирована неудачным публицистическим приемом.

Вы скажете, — упрекал его Аксаков, — что Ваше намерение было представить — как думают сами поляки о себе и своем призвании; Вы хотели стать на их точку зрения и посмотреть их глазами. Это прием верный; это сделать было и нужно и полезно; но Вы должны были тут же показать всю ложность этой польской точки зрения. Разумеется, с польской точки зрения, Россия представляется чем-то невыразимо малым, ничтожным и презренным, — и читатель из Вашей статьи выносит именно это убеждение. Конечно, Вы упоминаете о неуважении поляков к правам чужой народности, но из Вашей статьи не видать, почему и уважать их! Позвольте мне сказать Вам откровенно. Это происходит оттого, что Вы сами себе не уяснили внутренней сущности старой Западной и принадлежащей еще вполне будущему Славянской цивилизации. Вы признаете *права* русского народа, как признаете *права* чухны и мордвы, — но сами не верите в неминуемую будущность зародышей, о которых говорите; не видите внутренней победоносной силы *начал*. Христовы рыбаки действительно были невеждами в сравнении с цивилизованным миром евреев и римлян: у них не было даже организации, ничего выработанного, все в принципах, в идеалах, — но на их стороне была истина. Вы должны были после постановки вопроса о наружных, *кажущихся* взаимных отношениях польской цивилизации и русского невежества и неразвитости поставить другой вопрос — о внутреннем содержании польской цивилизации и русских стремлений⁴.

Действительно, статья «Роковой вопрос» породила многие сомнения и толки, имела странный резонанс: «радовала тех, против кого собственно шла, и печалила тех, за кого стояла»⁵. «Великим наказанием мне было то, — писал позже Н. Н. Страхов, — что меня принимали часто за полонофила и по этой причине обращались со мною с особым уважением»⁶.

К многочисленным упрекам в адрес автора «Рокового вопроса» И. С. Аксаков в редакторской заметке в газете «День» присоединил еще один: в недобросовестном цитировании статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» (1845), увидев попытку Н. Н. Страхова «прикрыть свое сомнительное направление авторитетом честного имени Киреевского, известного глубиной

⁴ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55.

⁵ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. 2-е изд. СПб., 1890. Кн. 2. С. 136.

⁶ *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883. С. 247.

своих русских воззрений и искреннею любовью к русской народности»⁷. Стремясь оградить имя Киреевского от несправедливого нареkania, И. С. Аксаков восстановил цитату в ее полном виде, в том числе и столь важные рассуждения о польской аристократической культуре:

Между этим *искусственным* просвещением и естественными элементами умственной жизни народа не было ничего общего. Оттого в целой образованности польской произошло *раздвоение*. Между тем как ученые паны писали толкования на Горация, переводили Тасса и неоспоримо сочувствовали всем явлениям современного им европейского просвещения, — это просвещение отражалось только *на поверхности* жизни, не вырастая из корня, и, таким образом, лишенная самобытного развития, вся отвлеченная умственная деятельность, эта ученость, этот блеск, эти таланты, эти славы, эти цветы, сорванные с чужих полей, вся эта богатая литература *исчезла почти без следа для образованности польской и совершенно без следа для просвещения общечеловеческого*, для той европейской образованности, которой она была слишком верным отражением⁸.

Н. Н. Стрхов полностью согласился с этим замечанием И. С. Аксакова, ответив своему оппоненту так: «Вы защищали И. Киреевского в глазах тех, *кто его не читал*, как сами говорите. Если так, то ваша “Заметка” весьма нужна. Русская публика мало читает серьезные русские книги и, конечно, легко могла счесть даже И. Киреевского за приверженца поляков»⁹.

Бурная журнальная полемика начала 1860-х годов вокруг статьи «Роковой вопрос», процесс формирования почвенничества как общественного и литературного движения отразились в первых шести письмах переписки И. С. Аксакова и Н. Н. Стрхова. Эти материалы значительно дополняют наши знания о событиях и ключевых фигурах политической и общественно-литературной жизни России.

Умерли «старшие» славянофилы: К. С. Аксаков, братья Киреевские, А. С. Хомяков... И только И. С. Аксаков почти в одиночестве все еще пытался соединить славянство перед предстоящими бедами. «Славянофилы могут все умереть до одного, — писал он, — но направление, данное ими, не умрет, — и я разумею направление во всей его строгости и неуступчивости, не прилаженное ко вкусу и потребностям петербургской канканирующей публики»¹⁰.

Письма рубежа 1860—1870-х годов в основном посвящены подготовке к публикации сатиры И. С. Аксакова «Судебные сцены, или Присутственный день уго-

⁷ День. 1863. № 4. Отд. II.

⁸ *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. II. С. 30.

⁹ *Стрхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. С. 141—142.

¹⁰ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55.

ловной палаты», а также затеваемому в Петербурге новому русскому журналу «Заря», формированию его авторского состава.

«Неподдельная, искренняя *любовь* к Русской земле и ее народу, ревность о ее чести, славе и интересах, — писал И. С. Аксаков 6 сентября 1868 года, — участие в ее *современной истории*, в ее современных жизненных, а не навязанных вопросах, раскрытые не одних отрицательных, но положительных сторон русской народности, — нравственная опрятность и чистоплотность, чего именно недостает обыкновенно петербургским изданиям, — вот те стороны журнала, которые могут снискать ему всеобщие симпатии. Вне их, этих сторон, нет действительной, здоровой силы. Русский человек, читая петербургские журналы, чувствует себя как бы *depayse*, — угнетенным, сконфуженным в своем непосредственном русском чувстве и русских инстинктах»¹¹. Переписка этого периода поучительна и важна для понимания смысла и сути общественно-политических боев и литературных столкновений «эпохи великих реформ».

С 1880 года И. С. Аксаков приступил к изданию «Руси», газеты, которую, по словам Н. Н. Страхова, было «освежительно читать» и «держишь в руках без брезгливости, с уважением!»¹²

Письма 1880—1885 годов — документы значительного этапа русской истории. В них — присущий корреспондентам историзм мышления, четкий диалектический взгляд на события; в многочисленных и важных суждениях, оценках, характеристиках, описаниях — аналитическая, критическая основа.

Подробно обсуждаются актуальные проблемы нигилизма, мистицизма, отношение к террору; спор о дарвинизме, за которым стоит и более общий спор с материализмом вообще. В письмах отразилась общественная среда: солидарность идеям Н. Я. Данилевского о России как самобытном явлении и особом типе духовной жизни, полемические оценки выступлений Вл. С. Соловьева.

2 марта 1881 года, после убийства императора Александра II, Н. Н. Страхов обратился к И. С. Аксакову:

Что я напишу Вам, глубокоуважаемый Иван Сергеевич? Свои чувства? Как мне больно и грустно и стыдно, как мне все еще кажется, что земля колеблется под ногами? Так вот чем кончилось это двадцатипятилетие! Вот наш прогресс, единственные вполне спелые его ягодки... Но, право, в таких случаях нет охоты, у меня по крайней мере нет никакой охоты, говорить и ораторствовать. Да и ничего не хочется делать и думать... Сегодня я давал присягу в церкви Министерства народного просвещения... Потом были на улице. Город имел праздничный вид. Сегодня прекрасный светлый день, и множество народа бродило по улицам. Все тихо. Эта смерть, от которой содрогнулся мир, не нарушила ни на йоту заведенного порядка.

¹¹ Там же.

¹² ИРЛИ ПД. 11060/XVII617. Л. 24.

И все пойдет по-старому. И мы, вероятно, ничему не научимся, не поймем яснее своего положения, и классическая система по-прежнему все будет к нам прививаема и все не привьется. А рядом будут вырастать и зреть какие-нибудь ядовитые ягодки, самоубийства, политические преступления, что-нибудь чудовишное, неслыханное, так что немцы и французы будут с изумлением таращить глаза на своих учеников. О русская натура! Много в тебе сил, но ничего из тебя не выйдет. Да ведь тебе и не нужно ничего, а то бы ты уже добилась бы до цели, если бы цель у тебя была! Нигилизм есть одно из прямых твоих выражений, и тянет к нему всех, не одних недоучившихся гимназистов...¹³

В передовой статье газеты «Русь» 9 апреля 1881 года И. С. Аксаков писал:

Наш недуг, страшный, упорный недуг — утрата внутренней цельности и творчества жизни... Большая часть нашей интеллигенции, не исключая и правящей, живет в мире фальшивом, населенном призраками, фантасмагорией, мнимыми влечениями, мнимыми потребностями, мнимыми идеалами и немным невежеством родной земли, вместе с отрицательным отношением к русской истории, русской жизни, русскому народу и русской народности. Это уже не мнимая, а реальная сила, которая в последовательном логическом развитии выразилась в казеншине, бюрократизме, лжелиберализме и, наконец, в нигилизме. Нигилизм — это последнее слово нашего западничества, нашего прогрессивного отрицательного движения и пошлости. вооружившееся револьвером, ядом и динамитом, — и из пошлости мысли перешедшее прямо в область действия, конечно не пошлого, но какого? Разрушения и смерти¹⁴.

Передовая статья намечала проблему; ее подробное развитие следовало в авторских статьях. Одной из них была работа Н. Н. Стрхова «Письма о нигилизме».

Тема «Писем» — «характеристика нравственного и умственного состояния нынешнего времени». Точка зрения — «самые элементарные требования нравственности, не высокий христианский идеал, а лишь первые его основания, простейшие исходные точки»¹⁵.

Н. Н. Стрхов подчеркивал:

Корень зла — нигилизм, а не политическая или национальная вражда. Эта вражда, как и всякое недовольство, всякая ненависть, составляет только пищу нигилизма, поддерживает его, но не она его создала, не она им управляет... Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворится, кроме полного разрушения... Это — безумие, соблазнительное и глубокое, потому что под видом доблести дает простор всем

¹³ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 584.

¹⁴ Русь. 1881. № 22. С. 1—4.

¹⁵ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 584.

страстям человека, позволяет ему быть зверем и считать себя святым. И это направление — не случайность, не помешательство; нет, в нем, как в фокусе, отразились все нынешние господствующие стремления, весь дух нашего времени...¹⁶

Не менее важными, тесно примыкающими к вопросам об историческом развитии страны были мысли о путях искусства, о культуре в целом. «Наша российская культура не имеет в своем прошлом ничего другого как ассамблеи, парики и т. п., — сказано 1 декабря 1883 года в письме И. С. Аксакова. — Вот ее *origines*, вот во что упирается воспоминание! На нашей заемной культуре действительно нет никакого *религиозного помазания*... *Может быть*, греко-славянско-латинская Академия и положила бы начало истинной высшей русской культуре, — но это только может быть, и если того не случилось, вероятно были внутренние причины. Но факт об *источнике* нашей культуры, современной, остается неизменным и — *трагическим*. Наша культура *болтается* ногами по воздуху и ищет себе почвы, чтоб осесть или стать»¹⁷. Через месяц в передовой статье № 1 газеты «Русь» (1 января 1884) И. С. Аксаков развил эту мысль.

Как ведущий литературный критик Н. Н. Страхов активно помогал И. С. Аксакову своими литературно-критическими статьями, в частности об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом и др. Есть существенные дополнения к творческой истории первой биографии Ф. М. Достоевского. В письмах И. С. Аксакова, готовившего материалы для газеты «Русь», — ответные размышления и, нередко, споры с Н. Н. Страховым о Толстом-художнике и мыслителе, по поводу книг «Война и мир», «Анна Каренина», «В чем моя вера».

И. С. Аксаков дорожил сотрудничеством Н. Н. Страхова, шел навстречу, ратовал за творческую свободу автора. «Пишите о чем угодно, — обращался в письме 10 октября 1882 года — Есть две темы, две задачи: диагноз нашего общественного духовного недуга, снедающего молодежь, — и с другой стороны, указание этой молодежи новых горизонтов, куда мог бы воспарить юный дух, которому парить надо, нельзя не парить, но нужно, чтобы он испарился в парении, а набравшись сил, возвращался к родной земле для работы»¹⁸.

Письма последних месяцев 1885 года омрачены тяжелым состоянием И. С. Аксакова: «Я чувствую себя нравственно нехорошо, словно будто масла не хватает уж в моей лампе. Нет охоты ни писать, ни бороться; чувствуешь, что настоящий переживаемый нами период — долгий период и что его ничем не сократишь; что нужно бы слово поновее и посвежее и что пора бы бросить совсем газетное дело»¹⁹.

На это письмо Н. Н. Страхов ответил 8 декабря 1885 года: «Когда Вы, богатырь, уроните такое слово, то на меня нападает безмерная тоска; я почти теряю надежду

¹⁶ Русь. 1881. 18 апреля. № 23.

¹⁷ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

на Россию. Шопенгауэр выводит патриотизм из эгоизма и глумится над ним. Как несправедливо! Патриотизм может быть совершенно чистым чувством — преданности тому, что выше, прекраснее, святее меня. Патриотизм — значит жить чужою жизнью и радоваться чужою радостью. А если это становится невозможным, то человек вдруг чувствует себя пустынным и одиноким»²⁰.

В последнем письме, адресованном Н. Н. Страхову 15 декабря 1885 года, И. С. Аксаков с готовностью развил эту мысль:

Конечно, патриотизм может явиться и эгоизмом, если понятие о личности, индивидуальности перенести на народы и на отношения их между собою, — но надо сказать, что это эгоизм уже несколько другого сорта! Это уже не личный или индивидуалистический, наипакостнейший из всех, который, по устроению Божию, призван поглощаться любовью к жене, к семье, к родной земле. Вывод из всего этого один: что *нравственное* требование должно быть перенесено и на личности коллективные, с их между собою отношениями. Другими словами, что и для народов обязательна нравственность и преступен эгоизм. Так, например, английский патриотизм, проповедующий бездушные, тиранию относительно не-англичан, конечно есть проявление племенного или государственного эгоизма. Теперь у нас завелось, с легкой руки Бисмарка, проповедовать освобождение «политики» от всяких нравственных начал, рекомендовать «политику реальных интересов» и т. п. Все это решительный вздор, и всего неуместнее в такой стране, которая называет себя Святою Русью, — которой народ еще способен одушевляться идеей освобождения христиан от мусульманского ига и приносить для этого всевозможные жертвы. Русский народ никогда не будет «политических дел мастер», ибо у него есть живая *совесть народная*; никогда не должен *как народ* изменять требованиям высшей правды. Поэтому истинно *русский* патриотизм не может быть эгоистическим даже во втором значении этого слова, и этим отличается от патриотизма бисмарковского и английского. Нет *эгоизма* в *русском* патриотизме ни личного, ни народного. Право русского народа не есть зло, но благо²¹.

На этой высокой ноте любви к России оборвалась со смертью И. С. Аксакова переписка двух русских мыслителей. Их письма, как становится очевидно, устремлены в XXI век.

²⁰ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 584.

²¹ ИРЛИ ПД. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55.